

Древняя Греция

© 2013

Э. В. Рунг

ПОНЯТИЕ «ПАТРИОТИЗМ» И ЕГО ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ*

В статье рассматривается применение термина «патриотизм» по отношению к древнегреческому обществу, также рассматриваются различные аспекты древнегреческого менталитета, которые могут подпадать под определение патриотизма. Делается вывод о том, что едва ли следует говорить о каком-то особенном патриотизме древних греков, который бы отличался от патриотизма как выражения общечеловеческих ценностных ориентаций.

Ключевые слова: патриотизм, греки, отечество, полис

Патриотизм является одной из основополагающих ценностей человеческого общества, имел свое значение во все эпохи исторического развития, во многом определяя возвышение или упадок того или иного государства. Между тем, сам термин «патриотизм», хоть и восходит к греко-латинским корням, возник только в новое время¹. И хотя под патриотизмом практически единодушно понимают любовь и преданность по отношению к родине², все же причины возникновения и аспекты применения этого термина вызывают разногласия среди исследователей³. Так, часто патриотизм связывают с национализмом⁴, хотя, по справедливому замечанию Г. Р. Джонсона, патриотизм является более широким понятием и более древним, чем национализм⁵.

Рунг Эдуард Валерьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».

¹ Об этом подробнее: Vincent 2009, 348–349.

² См.: Gilbert 2009, 322–324. О различных подходах к определению того, что следует понимать под «любовью» и «преданностью» в связи с патриотизмом: Nathanson 2009, 401–402.

³ Так, например, в литературе проводят различия между «военным» и «гражданским» патриотизмом, псевдо-патриотизмом и истинным патриотизмом и т.п. (об этом см.: Schatz, Staub, Lavine 1999, 152).

⁴ Miller 1997, 165–185; Audi 2009, 365–381.

⁵ Johnson 1986, 135.

Сам Г. Р. Джонсон, например, принимает точку зрения, что патриотизм возникает из природных свойств человека и его социализации⁶: «Патриотизм является результатом взаимодействия между генетически основанными предрасположениями и процессами социализации, которые культивировали и направляли эти предрасположения». Далее исследователь замечает: «Патриотизм рационально может быть определен как поведение (вербальное и невербальное), которое отражают любовь и верность по отношению к какой-то политической общности». Г. Р. Джонсон связывает патриотизм с различными терминами родства, замечая, что, с одной стороны, само слово патриотизм является термином родства (производное от греческого слова «отец»), а с другой — иные термины родства встречаются в патриотической литературе⁷.

Во многом похожее, хотя и несколько различающееся определение патриотизма присутствует в более новой работе К. С. Паркера: «Наша интерпретация патриотизма понимает его как единственную, безраздельную любовь к стране (*single, undifferentiated love of country*). Любовь, связанная с патриотизмом, включает верность и преданность конкретного человека политическим институтам и ценностям, которые поддерживают политическую общность (*political community*), так же как их соплеменникам (*conationals*), даже земле, на которой народ проживает (*even the land on which the nation rests*)»⁸. И если определение Г. Р. Джонсона может быть использовано для характеристики патриотизма как явления в целом, безотносительно к конкретному государству и историческому периоду, то определение К. Паркера выражает в большей степени представления о современном патриотизме. Но что общее в обоих этих определениях, это признание того, что патриотизм — это любовь к родине, которая подразумевает преданность и государству.

Как Г. Р. Джонсон, так и К. Паркер не являются специалистами по истории античного мира, но нетрудно убедиться, что их определения патриотизма вполне

⁶ Собственно говоря, мысль эта не нова. Об этом писал еще в своем трактате 1802 г. великий русский историк и общественный деятель Н. М. Карамзин: «Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества... Но физическая и моральная привязанность к отечеству, действие природы и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения — и потому не все люди имеют его» (Карамзин 1964, 280, 282).

⁷ Johnson 1987, 166, 168; 1986, 135. Заслуживают внимания наблюдения специалиста по древнегреческому полису Т. Х. Нильсена при изучении им концепта *патрис*, «отечество»: «Если спросить, что такое отечество, гражданин современного государства едва ли будет сомневаться с ответом. Его отечество — это объединение законов и институтов с единой политической волей, участником которого он является. Это объединение, как метафора с семьей, показывает то, с чем он естественным образом связан, и оно имеет эмоциональную силу, возбуждающую любовь и часто даже самопожертвование, также как и право требования таких жертв. На древнегреческом *патрис* и *патра*, слова с похожими значениями, получены из того же корня, что и *патир*, «отец»: точное значение «отечество». Примечательно, кроме того, что *патрис* часто встречается в контекстах, которые связывают его с другими терминами родства, такими как «мать», «родители», «сестра», «брат», «дети», «сын», «жена», «муж», «предки», «родственники» и *genos*» (Hansen, Nielsen 2004, 49). В развернутом виде эти положения представлены в статье автора (Nielsen 2004, 49–50).

⁸ Parker 2010, 99.

применимы для характеристики древнегреческого и римского патриотизма⁹. Первый и будет в центре нашего внимания. За последние несколько лет появились работы, прежде всего в отечественной историографии, которые по-разному трактуют явление патриотизма древних греков¹⁰.

С. Г. Карпюк в своей статье «Два патриотизма в Истории Фукидида»¹¹ прежде всего показывает отличие патриотизма современного от патриотизма античного, отмечая: «В современном понимании понятие патриотизма связано с национальными государствами, в античной же древности речь могла идти о патриотизме полисном»¹². Остановимся подробнее на этом замечании. По нашему убеждению, различие между современным и античным патриотизмом в такой трактовке несколько искусственно заострено. Дело в том, что патриотизм как таковой не только связан с явлением государственности, но и с понятиями «родины», «отечества» (собственно говоря, семантика слова «патриотизм» на различных языках красноречиво свидетельствует именно об этом¹³). Любовь к отечеству, преданность ему были характерны для всех эпох и государств, независимо от того, был ли то греческий полис, римская *civitas*, средневековое королевство или же современное государство¹⁴.

Между тем, в статье С. Г. Карпюка есть еще одно замечание, которое вызывает наше несогласие: заключение о существовании двух патриотизмов в трактовке Фукидида: традиционного, полисного, и новомодного, софистического¹⁵. Это мнение подверг критике Х. Туманс в своей статье «Сколько патриотизмов было в Древней Греции?» (краткий разбор данной статьи см. ниже), который заявлял, что не может быть двух патриотизмов, по крайней мере, в рамках одной культуры и

⁹ Здесь сошлемся на интересное сравнение Т. Х. Нильсеном одного аспекта современного и древнегреческого патриотизма – самопожертвования за отечество: «Современные государства убеждали колоссальное количество граждан сложить свои жизни за отечество в войнах, и смерть за свою страну считается нравственным величием. Подобным образом тема смерти “за *patris*” постоянно встречается в архаических и классических греческих текстах, и то, что смерть при защите *patris* считалась нравственным величием, ясно, например, из знаменитых строк Тиртея...» (Hansen, Nielsen 2004, 49).

¹⁰ В зарубежной историографии работ, специально посвященных древнегреческому патриотизму, относительно немного. См.: Pusey 1940, 215–231; Chroust 1954, 280–288; Greenhalgh 1972, 528–537. Однако тема патриотизма греков часто так или иначе затрагивается в обобщающих работах по истории Древней Греции или по патриотизму в целом. См.: Herman 1987, 156–161; Berns 2008, 1–13.

¹¹ Карпюк 2010, 101–116.

¹² Карпюк 2010, 101.

¹³ Как замечает Т. Х. Нильсен, современный патриотизм происходит из терминов, используемых для ссылки на его объект. Это *fædreland* на датском, *Vaterland* на немецком, *patrie* на французском, *πατρίδα* на греческом, *fatherland* на английском и т.д. Эта «метафора семьи», по мнению исследователя, подразумевает, что государство – это то, с чем человек связан естественным образом как один из членов семьи. На древнегреческом *πατρίς* и *πάτρα*, конечно, слова с очень похожими ассоциациями, полученные, как и другие, из того же корня, что и *πατήρ*, «отец»: они буквально означают «отечество» (Nielsen 2004, 50).

¹⁴ Т. Х. Нильсен попытался обобщить все случаи употребления слова *πατρίς*. Он пришел к выводу, что греки архаического и классического периодов думали об их отечестве как о ближайшем родственнике. Это была сладчайшая вещь на земле, подходящее место для погребения, его они теряли, отправляясь в изгнание и восстанавливали по возвращению, за него они должны были отдавать свои жизни, это было объектом их любви, и греки испытывали гордость за свое отечество (Nielsen 2004, 74). Специально представлениям об отечестве у греков посвящена статья П. Функе (Funke 2010, 123–131).

¹⁵ Карпюк 2010, 112–114.

одновременно. «Ведь если под патриотизмом понимать любовь к родине, то она либо есть, либо ее нет», — замечает Х. Туманс¹⁶. Впрочем, сам же автор довольно непоследователен в проведении этой своей идеи, практически сразу же делая от нее отступление: «Хотя, конечно, с другой стороны, вполне можно говорить о двух патриотизмах в Древней Греции, а именно о патриотизме полисном и патриотизме общегреческом»¹⁷. Последнее замечание еще будет в центре нашего внимания, а пока отметим тот факт, что то, что, по мнению С. Г. Карпюка, является второй разновидностью патриотизма, фактически является лишь его интерпретацией, то есть выражает не столько общегреческое понимание этого явления, но его понимание одним из «героев» Фукидидова повествования — Алкивиада. Да и вообще, уместно заметить, что можно говорить применительно к древним грекам, с одной стороны, о традиционном патриотизме, а с другой, о его понимании различными политиками, историками, ораторами, драматургами и т. п., и таких интерпретаций может быть множество. Но традиционное понимание патриотизма, по нашему убеждению, оставалось неизменным как в Древней Греции, так и в настоящее время. Даже более того, едва ли может быть справедливым выделение патриотизма полисного и общегреческого, ибо это суть две стороны одного патриотизма: и полис, и вся Эллада в целом воспринимались греками как их родина (хотя, опять же, это не исключало и различных подходов, вплоть до противопоставления этих двух сторон патриотизма греков). Причем в случае с патриотизмом полисным на первый план выходят родственные и политические предпочтения, а в случае с патриотизмом общегреческим — этнические и социокультурные. В этом убедимся далее.

Х. Туманс, в свою очередь, стремится проследить эволюцию древнегреческого патриотизма. Он выделяет его первоначальную стадию, определяемую им как «предпатриотизм» (аристократический, уходящий корнями еще в гомеровскую эпоху), собственно классический, полисный патриотизм (сформулированный окончательно Периклом) и «постпатриотизм» (новый, софистический, который, по мнению автора, и вовсе патриотизмом не является, а маскирует собой период распада полисных ценностей). Можно вполне согласиться с автором статьи, что патриотизмом в строгом смысле этого слова можно назвать только второй его тип, олицетворением которого является фигура Перикла. Однако если исходить из того, что патриотические чувства присущи человеку уже по его природе и только в определенной степени являются результатом общественного развития, то не следует говорить о какой-то особой эволюции патриотизма, а все же предположить, что с течением времени могло меняться осознание людьми отдельных сторон патриотизма.

Далее мы рассмотрим основные проявления патриотизма как на эмоциональном уровне, так и на уровне «патриотического поведения». И первое, по-видимому, наиболее раннее проявление патриотизма заключается в прирожденной привязанности человека к своей земле, своим родственникам, своему «родному очагу». Этот мотив, выраженный уже в гомеровских поэмах, составляет важный аспект традиционного понимания патриотизма. Он присутствует уже в «Илиаде» в виде

¹⁶ Туманс 2012, 3.

¹⁷ Туманс 2012, 3–4.

тоски по родине и проявляется в гомеровском эпитете «милая / любимая родина» — φίλη πατρίς γαῖα / φίλη πατρίς¹⁸.

Другой патриотический мотив, знакомый грекам со времен Гомера, — это необходимость в защите своего отечества от врагов. Некоторую подборку таких примеров из «Илиады», где этот мотив уже присутствует, приводит Т. Х. Нильсен¹⁹, в том числе и знаменитое заявление Гектора (II. XII. 243):

εἰς οἰωνὸς ἄριστος ἀμύνεσθαι περὶ πάτρης

Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!

Причем обострение патриотических чувств происходит особенно во время событий, в которых отечество оказывается в грозной опасности.

Приведем два хрестоматийных примера, которые отражают феномен древнегреческого патриотизма, причем один связан с полисом, а другой со всей Элладой. И оба примера ассоциированы с событиями такого решающего испытания для эллинов, каким были греко-персидские войны. В первом случае «гимном» патриотизма являются знаменитые строки пеана, который, согласно Эсхилу (Pers. 402–405), греки запели, идя на бой при Саламине. Причем в строфах Эсхила проявляются те самые термины родства, которые, по мнению Г.Р.Джонсона, являлись атрибутом патриотической литературы²⁰:

ᾠ παῖδες Ἑλλήνων, ἴτε,

ἐλευθεροῦτε πατρίδ', ἐλευθεροῦτε δὲ

παῖδας, γυναῖκας, θεῶν τε πατρώων ἔδη,

θήκας τε προγόνων· νῦν ὑπὲρ πάντων ἀγών.'

О сыны эллинов! Идите,

освободите родину, освободите

детей, жен, богов отеческих храмы,

могилы предков, бой идет теперь за все.

Во втором случае это, конечно, речь афинян, обращенная к спартамцам, в которой, согласно Геродоту (VIII. 144), говорится о том, что препятствует афинянам заключить договор с Ксерксом после битвы при Саламине.

Особо обращает внимание в этом отрывке апелляция греков уже не к своим соплеменникам и / или родственникам, но к преданности стране в целом (и здесь мы видим правоту К. Паркера, который обратил внимание на эту особенность в своем определении патриотизма): «Нет на свете столько золота, нет земли, столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство. Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить, если бы мы даже пожелали этого. Во-первых, самое важное препятствие к примирению — это сожженные и разрушенные кумиры и святилища богов. За это нам нужно кровью отомстить, прежде чем примириться с человеком, содеявшим это. Затем — наше кровное и языковое родство с другими

¹⁸ См.: Hom. II. 140, 158, 162, 174, 178, 454; III. 244, IV. 172, 180; V. 213, 687; VII. 335, 460; VIII. 359; IX. 27, 47, 414, 428, 691; XI. 14, 817; XII, 16; XIII. 645, 696; XV. 335, 499; XV. 505, 706, 740; XVI. 539, 832; XVIII. 101; XXII. 404; XXXII. 145, 150; XXIV. 557. О патриотизме гомеровских греков см. работу П. Гринхола (Greenhalgh 1972, 528–537).

¹⁹ Nielsen 2004, 56.

²⁰ Кроме Эсхила, патриотическая риторика присутствует и у других поэтов периода греко-персидских войн, и прежде всего у Симонида Кеосского. Подробнее см.: Рунг 2007, 149–158; 2009, 149–157; MacFarlane 2002; Kowerski 2003.

эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это — позор для афинян» (перевод Г. А. Стратановского).

Однако, помимо уже упомянутых двух проявлений патриотизма греков, которые восходят своими истоками к природным свойствам самого человека, греки выработали еще и «гражданский патриотизм», который был результатом становления и развития полиса и полисной идеологии. Этот патриотизм, который был более сложным и неоднозначным явлением, должен был быть присущ каждому добропорядочному гражданину полиса. Он включал в себя и защиту полиса от врагов в случае необходимости, вплоть до самопожертвования, но не только. И результатом идеологического оформления «гражданского патриотизма» является появления соответствующей терминологии, которая, как это также весьма показательно, начинает встречаться в текстах древнегреческих авторов только лишь с классического периода.

Х. Туманс утверждает, что не было у древних греков ни нашего понятия патриотизма, ни термина соответствующего, ни даже текстов, поющих любовь к отечеству в привычном для нас смысле, да и вообще, похоже, что наши современные «сентименты» были им чужды²¹.

Ситуацию с пониманием греческого патриотизма мы, кажется, уже прояснили, отметив, что патриотизм скорее принадлежал к категории общечеловеческих ценностей, чем этнических или политических, и потому вполне возможно соотносить современный патриотизм с древнегреческим. Что касается «патриотических текстов», то строфы «Персов» Эсхила наглядно показывает наличие таковых, да и любые поэмы о греко-персидских войнах могут считаться патриотическими произведениями. Но теперь обратимся к тезису о том, что у греков не было соответствующего термина, обозначающего патриотизм. Ошибочность такого утверждения очевидна.

В древнегреческом восприятии существовало несколько различных понятий, которые могут быть эквивалентами современного термина «патриотизм». В первом случае это термин *τὸ φιλόπολι*, дословно — «любовь к родному городу». Правда, в такой трактовке этот термин встречается только у Фукидида (VI. 92. 2). Другой термин, переводимый как патриотизм, *φιλόπολις ἀρετή*, встречается только у Аристофана (Lysistr. 546). Однако гораздо чаще у древнегреческих авторов применяется прилагательное *φιλόπολις*²². Это определение вполне закономерно следует переводить словом «патриот». Во втором случае применялись термин *φιλοπατρία* и прилагательное *φιλόπατρις*. Последние обозначения сравнительно редко использовались в древнегреческой литературе классического периода, но были более распространены в римский период для обозначения патриотизма и патриота соответственно²³. Безусловно, древнегреческий патриотизм (как, соб-

²¹ Туманс 2012, 4.

²² Thuc. II. 65. 5; VI. 92. 2, 4; Ar. Lysistr. 546; Plut. 726, 900–901; Plato. Socr. 24b; Leg. 694c; Dem. XX. 82; XXIV. 127; Isocr. II. 15; Din. I. 31; Xen. Ages. 7.1; Hiero. 5. 3; Lyc. in Leocr. 3, 43. Авторы LSJ. s.v. *φιλόπολις* видят два варианта перевода этого термина. С одной стороны, «любящий город» (loving the city), а с другой – «любящий город, патриотический» (loving one's city, patriotic), аристовское же *φιλόπολις ἀρετή* – патриотизм.

²³ См.: Anth. Gr. VII. 235; Ar. Vesp. 1465; Polyb. I. 14; Plut. Fab. Max. 12. 3, Timol. 3.4, Pelop. 8. 5, Sert. 22. 7, Cic. 49. 5; Diod. XXVII. 7.

ственно, и патриотизм в иные исторические эпохи) воспринимался как несомненное достоинство.

В «Лисистрате» Аристофан называет патриотизм (φιλόπολις ἀρετή) среди других добродетелей — доблести (ἀρετή), природных свойств (φύσις), внешности (χάρις), справедливости (θράσος), мудрости (σοφόν), разума (φρόνιμος) (Ar. Lysistr. 546). Персонаж другой комедии Аристофана — «Богатство» (900), — сикофант, объявляет себя честным человеком и патриотом (χρηστὸς ὢν καὶ φιλόπολις) и за эти свои качества он готов переносить всяческие издевательства и глумления со стороны своих сограждан. Правда, другой персонаж, справедливый человек, сомневается в таких качествах сикофанта, переспрашивая его: «Ты патриот и честный?» (Σὺ φιλόπολις καὶ χρηστός;) (901).

Но обратимся к употреблению терминов патриотизма Фукидидом. Собственно, в отличие от примеров, которые можно классифицировать как проявление патриотизма²⁴, историк употребляет соответствующие термины только в двух случаях: в речи Перикла, обращенной к афинянам во второй год Пелопоннесской войны (II. 60. 5), и в речи Алкивиада в Спарте (VI. 92. 2, 4). В первом случае Перикл (II. 60. 5), среди прочего, сказал: «Вы раздражены против меня, человека, который, я думаю, не хуже, чем кто-либо другой, понимает, как следует правильно решать государственные дела, и умеет разъяснить это другим, *который любит родину и стоит выше личной корысти* (φιλόπολις τε καὶ χρημάτων κρείσσων)» (пер. Г. А. Стратановского).

Итак, понятно, что здесь присутствует «периклово» понимание патриотизма, которое, таким образом, соответствует традиционному восприятию этого явления: интересы родины превалируют над личными. Во втором случае уже Алкивиад дает свое понимание патриотизма (Thuc. VI. 92. 2, 4): «И я надеюсь, что никто здесь не станет думать обо мне хуже оттого, что я, считавшийся в родном городе *патриотом* (φιλόπολις ποτε δοκῶν εἶναι), теперь, заодно со злейшими врагами, яростно нападаю на него, или же объяснять мои слова озлоблением изгнанника. Правда, я — изгнанник, но бежал от низости моих врагов, а не для того чтобы своими советами оказывать вам услуги. Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, я — *уже не патриот* (τό τε φιλόπολι οὐκ ἐν ᾧ ἀδικοῦμαι ἔχω). Впрочем, я полагаю, что даже и теперь я не иду против отечества, так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его. Ведь *истинный друг своей родины* (φιλόπολις οὗτος ὀρθῶς) не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее» (пер. Г. А. Стратановского). Итак, что мы узнаем из этой речи, приведенной Фукидидом. Во-первых, до своего изгнания Алкивиад, впрочем, как и любой добропорядочный афинянин своего времени, считался φιλόπολις, во-вторых, после своей ссоры с согражданами и вынужденного изгнания он перестал быть φιλόπολις, и это дало ему моральное право перейти в стан врагов своей родины — спартанцев. Все это пока хорошо укладывается в рамки традиционного патриотизма. Но

²⁴ Эти примеры см.: Карпюк 2010, 104–108.

вот далее то, что на первый взгляд не укладывается в эти рамки, — неожиданное заявление Алкивиада: «Ведь истинный друг своей родины не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее». Опять же, в традиционном понимании выступление против родины считается предательством, и действия Алкивиада имели все основания быть классифицированы именно таким образом. Однако, объявив о своем намерении вновь обрести родину, афинский политик на самом деле апеллирует к одному очень древнему аспекту «природного» патриотизма, который был присущ еще гомеровским грекам — тоске по родине, а это опять же укладывается в рамки патриотизма традиционного. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением, что в фукидидовом объяснении патриотизма Алкивиада уже просматривается принцип *ubi bene ibi patria*²⁵. Алкивиад-то заявлял совсем другое: он не считал чужбину своей родиной, но говорил о возвращении назад в Афины²⁶.

Впрочем, те космополитические суждения древнегреческих авторов, на которые ссылаются исследователи²⁷, где провозглашается принцип *ubi bene ibi patria* (см.: Eurip. F. 777, 1047; Ar. Plut. 1151; Lys. XXXI. 5–6), на самом деле едва ли могут определяться как патриотизм или его разновидность, а скорее таковыми не являются вовсе. Ибо понятно, что в любом обществе можно найти примеры отсутствия или наличия патриотизма, под которым, как уже говорилось, следует понимать любовь и преданность родине.

Но обратимся к другим примерам употребления термина φιλόπολις в греческой литературе классического периода. На очереди — ораторы Искрат, Демосфен, Динарх, Ликург. Интересны рассуждения Исократ (II. 15) о патриотизме в речи-наставлении кипрскому царю Никоклу, которые показывают, что этот древнегреческий ритор считал патриотизм залогом успеха правителя: «Итак, тем, кто намерен достигнуть надлежащей цели, следует начинать с этого, но, кроме того, они должны относиться благожелательно к людям и *любить свой город* (φιλόπολις εἶναι δεῖ καὶ φιλόπολις)» (пер. Э. Д. Фролова). Таким образом, говоря современным

²⁵ Карпюк 2010, 114. А. Х. Круст даже на основании этого примера проводил различие между полисным патриотизмом и патриотизмом современным: «Также нельзя хорошо известный партикуляризм греческого города-государства идентифицировать с патриотизмом в современном и моральном смысле этого термина. Можно понять из утверждения Алкивиада, что он мог любить свой родной город, откуда последний предоставлял ему самый полный спектр всех привилегий, на которые он претендовал, до тех пор пока, выражаясь другими словами, он и те люди, которые разделяли его убеждения, полностью контролировали город» (Chroust 1954, 288).

²⁶ Вообще, это место речи, где Алкивиад говорит о намерении вернуть себе родину взамен утраченной, на наш взгляд, не предполагает однозначной интерпретации. В одном случае афинский политик утверждает, что он не идет против отечества, которого у него более нет, но пытается вернуть его (οὐδ' ἐπὶ πατρίδα οὖσαν ἐτι ἠγοῦμαι νῦν ἰέναι, πολὺ δὲ μᾶλλον τὴν οὐκ οὖσαν ἀνακτᾶσθαι). В другом случае он замечает, что истинный патриот не тот, кто, несправедливо лишившись отечества, не идет против него, а тот, кто любым способом из-за своего желания пытается вернуть его (φιλόπολις οὗτος ὀρθῶς, οὐχ ὅς ἂν τὴν ἑαυτοῦ ἀδικῶς ἀπολέσας μὴ ἐπίη, ἀλλ' ὅς ἂν ἐκ παντὸς τρόπου διὰ τὸ ἐπιθυμεῖν πειραθῆ ἑαυτὴν ἀναλαβεῖν). Поскольку речь была произнесена перед спартанцами, то надо думать, что Алкивиад под «новым отечеством» имел в виду именно Спарту. Но допустимо и другое предположение: «новое отечество» Алкивиада не относилось непосредственно к Спарте, а политик подразумевал желание любого изгнанника вернуть себе свое отечество, и, таким образом, его замечание должно относиться к Афинам. Впрочем, неоднозначность истолкования здесь не вызывает сомнения, и удивительно, почему оно не было отмечено авторами комментариев к труду Фукидида, А. Гоммом и С. Хорнблауэром.

²⁷ Карпюк 2010, 112–114; Туманс 2012, 28–29.

языком, правитель, согласно Исократу, должен был быть первым патриотом своего государства.

Демосфен использует термин φιλόπολις в двух своих речах. В речи «Против Лептина об ателии» (XX. 82) оратор называет патриотом афинского военачальника Хабрия, который был предан чувству долга и чести: «Он был, как мне представляется, *патриотом* до такой степени (οὕτω γὰρ ὡς ἀληθῶς ἔμοιγε φαίνεται βεβαίως πῶς ἐκεῖνος φιλόπολις), что заботился о безопасности других больше всех остальных стратегов — таково общее мнение о нем, и оно соответствует действительности. Такие качества он проявлял, когда командовал вашими войсками. Сам он, находясь в строю и подвергаясь смертельной опасности, о себе забывал, предпочитая скорее лишиться жизни, чем оказаться недостойным тех почестей, которые вы ему оказали». В другой своей речи «Против Тимократа» (XXIV. 127) Демосфен обвиняет афинянина Лахета в отсутствии у него патриотизма. Последний не был способен пожертвовать даже своим сыном, принесшим много вреда отечеству: «... если бы Лахес был по настоящему честным человеком и *любил свою родину* (χρηστὸς καὶ φιλόπολις), он сам бы заключил в тюрьму своего сына, ставшего таким негодяем, навлекшего на него такой позор и бесчестье». Таким образом, в обоих примерах Демосфен демонстрирует восприятие патриотизма близкое к пониманию этого явления Периклом / Фукидидом.

Динарх же в своей речи «Против Демосфена» (I. 31) противопоставляет патриотизм афинских граждан отсутствию такого у Демосфена, заявляя: «Наконец там, где всякий гражданин, *любящий свой город* и заботящийся о нем (τις φιλόπολις ἀνήρ), постарался бы что-нибудь сделать, этот демагог... не только сам не провел успешно никакого дела, но даже других, пытавшихся что-то сделать в ваших интересах, он заразил своим примером» (пер. Э. Д. Фролова). В этом месте речи Ликурга говорит о бездействии Демосфена после поражения афинян при Херонее и во время экспедиции Александра в Азию, а его поведение противопоставляет далее действиям других афинян, в частности Харидема и Эфиальта, которые с намерением принести пользу своему отечеству и всем эллинам отправились к персидскому царю (I. 32–33).

И завершит наш обзор случаев употребления термина φιλόπολις пример своеобразного противопоставления патриотизма и предательства в речи Ликурга «Против Леократа» (43–44): «Поэтому, граждане, того, кто во время таких ужасов и таких опасностей и такого позора покинул город и не взялся за оружие, защищая отечество, не встал в строй по приказу стратегов, но бежал и предал спасение народа, — какой судья, *любящий государство* и почитающий богов (δικαστὴς φιλόπολις καὶ εὐσεβεῖν βουλόμενος), захочет его оправдать? Какой оратор, призванный на суд, пожелал бы оказать помощь человеку, предавшему свое государство (τῷ προδότῃ τῆς πόλεως)? Человеку, который не решился оплакивать вместе с другими несчастья отечества и не сделал ничего для спасения города и народа, когда сама страна отдавала леревья, мертвые — свои гробницы, храмы — оружие. Ведь в то время не было такого возраста, который не принял бы участия в спасении государства. Ибо одни заботились об укреплении стен, другие — о выкапывании ровов, третьи — об изготовлении частокола. Никто из живущих в городе не оставался праздным. Ни в чем из этого не принял никакого участия Леократ» (пер. Т. В. Прушакевич). Парадоксально, хотя и ничего удивительного не было в том,

что Ликург вменял Леократу в вину, приравнивая это к предательству (I. 1–2), не конкретную деятельность, а наоборот, оставление отечества в трудной ситуации и, как следствие этого, неучастие в мерах по обороне города после поражения афинской армии в сражении при Херонее в 338 г. до н.э.

Итак, мы рассмотрели наиболее показательные случаи употребления термина *φίλοπολις* древнегреческими авторами классического периода, и к каким выводам мы можем прийти? Прежде всего, еще раз отметим, что для греков патриотизм был добродетелью, причем достаточно значимой и обязательно долженствующей присутствовать у добропорядочного гражданина, и авторы фиксируют примеры как проявления этой добродетели, так и ее отсутствия и даже противопоставления патриотизма и предательства.

Однако, что удивительного, в такой добродетели, как патриотизм, мы не усматриваем ничего того, что было бы присуще только древним грекам и не было бы проявлением общечеловеческих ценностных ориентаций. И любовь к родине, выраженная в ностальгии по родному очагу, и в стремлении приносить пользу своим согражданам и отечеству, и даже готовность сражаться за них — все это принадлежит к тем основополагающим принципам, которые характеризуют патриотизм, в том числе и в современном мире.

И даже складывающееся на первый взгляд впечатление, что патриотизм греков был в значительной степени более выраженным по сравнению с патриотизмом современным (что как раз обычно объясняют полисным менталитетом древних эллинов) на самом деле может быть весьма обманчивым. Выраженность патриотизма греков, как и патриотизма в современном мире, в конечном итоге могла зависеть от множества факторов: от восприятия патриотических ценностей конкретным человеком в определенной исторической ситуации и до идеологического мотивирования этого самого патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Карамзин Н. М.* 1964: Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.
- Картюк С. Г.* 2010: Два патриотизма в «Истории» Фукидида // Вестник РГГУ. 10, 101–116.
- Рунг Э. В.* 2007: Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила // Вестник СПбГУ. Сер.2. История. 4, 149–158.
- Рунг Э. В.* 2007: Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань.
- Туманс Х.* 2012: Сколько патриотизмов было в древней Греции? // *Studia historica*. 12, 3–32.
- Audi R.* 2009: Nationalism, Patriotism and Cosmopolitanism in an Age of Globalization // *The Journal of Ethics* 13. 4, 365–381.
- Berns W.* 2008: Patriotism and Multiculturalism // *The Many Faces of Patriotism* / Ph. Abbot (ed). Lanham, 1–13.
- Chroust A. H.* 1954: Treason and Patriotism in Ancient Greece // *Journal of the History of Ideas*. 15. 2, 280–288.
- Hansen M. H., Nielsen T. H.* 2004: *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford.
- Herman G.* 1987: *Ritualized Friendship and the Greek City*. Cambridge.
- Funke P.* 2010: Was ist der Griechen Vaterland? Einige Überlegungen zum Verhältnis von Raum und Politischer Identität im antiken Griechenland // *Geographia Antiqua* 18, 123–131.

- Gilbert M.* 2009: Pro Patria. An Essay on Patriotism // *The Journal of Ethics*. 13.319–346.
- Greenhalgh P.A.L.* 1972: Patriotism in the Homeric World // *Historia*. 21. 4, 528–537.
- Johnson G.R.* 1986: Kin Selection, Socialization, and Patriotism: An Integrating Theory // *Politics and the Life Sciences*. 4. 2, 121–154.
- Johnson G.R.* 1987: In the Name of the Fatherland: An Analysis of Kin Term Usage in Patriotic Speech and Literature // *International Political Science Review*. 8. 2, 165–174.
- Kowerski L.M.* 2003: Simonides on the Persian Wars: A Study of the Elegiac Verses of the “New Simonides”. PhD Diss. New Brunswick; New Jersey.
- MacFarlane K.A.* 2002: «To Lay the Shining Foundation...»: The Tradition of the Persian Wars in Classical Greek Poetry. PhD Diss. Edmonton, Alberta.
- Miller R.W.* 1997: Killing for the Homeland: Patriotism, Nationalism and Violence // *The Journal of Ethics*. 1. 2, 165–185.
- Nathanson S.* 2009: Patriotism, War and the Limits of Permissible Partiality // *The Journal of Ethics*. 13. 4, 401–422.
- Nielsen T.H.* 2004: The Concept of *Patris* in Archaic and Classical Greece // *Once Again: Studies in Ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Center 7* / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* 1999: On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. 20. 1, 151–174.
- Parker C.S.* 2010: Symbolic Versus Blind Patriotism: Distinction without Difference // *Political Research Quarterly*. 63. 1, 97–114.
- Pusey N.M.* 1940: Alcibiades and τό φίλόπολι // *Harvard Studies in Classical Philology*. 51, 215–231.
- Vincent A.* 2009: Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic patriotism // *The Journal of Ethics*. 13. 4, 347–364.

PATRIOTISM AND ITS ANCIENT GREEK CONNOTATIONS

E. V. Rung

The paper deals with the notion of patriotism in reference to ancient Greek society, and different aspect of ancient Greek mentality that comply with patriotism definition. The author infers that one can hardly speak about specific patriotism of ancient Greeks, which could differ from patriotism as an expression of universal values.

Key words: patriotism, Greeks, native land, polis